

АКАДЕМИЯ НАУК ССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
7 (70)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1 9 6 2

ХАРИДЖИТСКИЕ ВОССТАНИЯ В МАГРИБЕ¹

Танжерский этап восстаний (739—742 гг.)

В 720 г. в Магрибе случилось не совсем обычное событие — при- бывший в том же году правитель страны, Йазид ибн абу Муслим был убит берберами. Однако в общем нагромождении сообщений источников о смещениях правителей Магриба, конфискациях их имущества, репрессиях к ним, казнях их, убийство Йазида не привлекло особого внимания. И хронисты и историки, а за ними современные исследователи привыкли неизменно сводить все эти чрезвычайные события к пресловутой борьбе қайситов-келбитов. Они, во-первых, не замечали, что старая рознь племенных верхов переросла уже в распрю между феодальными группировками, что содержанием ее становилась борьба за долю прибавочного продукта, а с нею и за усиление эксплуатации масс берберов. Во-вторых, они еще меньше хотели видеть в убийстве Йазида связь с сопротивлением этих масс.

Один только арабский историк — известный историограф и автор двух работ, посвященных специально средневековому Магрибу, Ибн Халдун, усмотрел в убийстве Йазида начало хариджитского восстания.² Его точка зрения убедительно подтверждается тем, что, послужившие причиной убийства Йазида, мероприятия его, впоследствии при расширении практики их, стали причиной мощного подъема восстаний в Марокко.³ Для бесспорной датировки начала хариджитских восстаний 720 г. нам не хватает, конечно, подтверждения ее данными о массовых волнениях, продолжавшихся вслед за указанным убийством Йазида. Но значение таких событий, как известно, было непонятно авторам источников, и поэтому они сбычно замалчивают народные волнения во всех случаях, когда последние не станвятся непосредственной причиной других фактов более важных, с их точки зрения, по их воззрениям. Закономерно предполагать, что и на этот раз мы являемся свидетелями подобного отношения источников к вспышкам хариджитских возмущений — авторы их отмечают такие случаи лишь за несколько лет перед превращением вспышек в пожар, охвативший всю страну,

¹ См.: Палестинский сборник, вып. 5. М. — Л., 1960, стр. 66—84.

² Ибн Халдун. Та'рих ад-дувал ал-исла'мийа би-л-Магриб (арабск. текст), т. I. Алжир, 1847—1851, стр. 137; франц. перевод: De Slane, т. I. Alger, 1852—1856, стр. 216. (В дальнейшем: Ибн Халдун).

³ М. Чураков. Магриб накануне хариджитского восстания. Палестинский сборник, вып. 5, М. — Л., 1960, стр. 66 сл.

да и то лишь для восхваления побед начальников карательных экспедиций.

Так, сообщается о победах в 734 г. в области Сус, в Марокко, карательной экспедиции, возглавленной Хайбом ал-Фихри, потомком завоевателя Магриба, Укбы. Подчеркивается, что Хайб не потерпел ни одного поражения, его „экспедиция попирала страну, избивала берберов, вводила пленных (в рабство), захватывала добычу“,⁴ „ему досталась большая добыча и много пленных“. ⁵ Оба приведенных источника заключают эти сообщения оценкой результатов экспедиции: „население было терроризировано“. Совершенно очевидно, что особо отмеченный результат, да и самый факт посылки карательной экспедиции, свидетельствуют о предшествовавших вспышках восстаний, охвативших значительную область и вызывавших тревогу правителя. Не исключено, что эти восстания возникли задолго до 734 г.

В 739 г., подготовленное разрозненными выступлениями, начавшимися с 720 г., разгорелось стихийное мощное восстание племен, выступивших объединенными силами против гнета халифата, несмотря на террор правителя. Центром борьбы на новом этапе восстания стал район Андалусии и подчинения ее правителю Магриба стал соперничать с Кайруаном, оспаривая значение важнейшей командной позиции халифата в этой стране. Помимо связующего звена с Испанией, Танжер был отправным пунктом для продвижения сил халифата в труднодоступные горные районы Марокко, к резервам не завоеванных еще земель. Именно здесь начал и бесславно кончил свою недолгую карьеру убитый правитель Йазид ибн абү Муслим. Правивший затем с 734 г. в Магрибе, Ибн ал-Хабхаб назначил в Танжер своего верного помощника Омара ал-Мурāдй, стяжавшего в этом районе скандальную славу беспощадным высканьем незаконных податей, отношением к берберам и их имуществу как добыче.⁶

В борьбе против ал-Мурāдй объединился ряд племен, примкнувших к софритскому толку хариджизма. Общее знамя восставших способствовало сплочению их сил, некоторой централизации руководства. А в силу политического и военного значения Танжера, действовавшие в этом районе повстанцы выдвинулись в авангард движения. Главой восставших утвердился в процессе событий Майсара, один из старшин местного племени матгара. По некоторым сообщениям он же был шейхом софритов, а по другим их духовным главой был 'Абд ал-'Алә, маулā арабов, по происхождению румй.⁷ По-видимому, организация

⁴ Ибн Халдун, т. I, стр. 137; франц. перевод, т. I, стр. 216: *وطا عساكره بلاد السوس واتخن في البربر وسبى وغنم وانتهى الى مسوفة فقتل وسبى وداخل البربر منه رعب*.

⁵ Ибн ал-Асйр. *Китаб ал-каmil фй ат-та'рих*, т. V. Лейден, 1851—1871. (В дальнейшем: Ибн ал-Асйр), стр. 141: *واصاب من الغنائم والسبى امرًا عظيمًا*.
⁶ Ибн 'Азāри. *Ал-байан ал-могриб*. . . (арабск. текст), т. I, Лейден, 1848, стр. 38; франц. перевод: E. Fagnan. *Alger*, т. I, 1901, стр. 50. (В дальнейшем: Ибн 'Азāри).

⁷ Ибн Халдун, т. I, стр. 137; франц. перевод, стр. 216. В этом месте говорится, что Майсара вначале присягнул 'Абд ал-'Але как главе софритов, а затем он объявил себя халифом: *وبايع لعبد الاعلى بن خديج الافريقي رومى الاصل ومولى*

восставших далеко не была завершена, и поэтому функции не были уточнены. Решение организационных задач, диктуемых ходом борьбы, наталкивалось на трудности, вызванные стихийным характером восстания, на препятствия, созданные традициями и субъективными причинами, которых нам еще придется коснуться. Однако и частично достигнутые организационные, а главное предшествовавшие военные успехи уже сделали для повстанцев посильной задачей овладения центром Марокко — Танжером. В решающем сражении за эту позицию хариджиты одержали победу, 'амил области ал-Мурāдй был убит и восставшие заняли город.

Оказавшись главой административного центра Марокко — Танжера, Майсара оставил здесь местным руководителем Абд ал-А'лу, а сам двинулся в глубь Марокко поднимать племена на борьбу, объединить силы восставших. Прежде всего он отправился в Сус, лежащий к югу от района Танжера, по соседству с ним. Здесь, как мы знаем из предшествовавших событий, находился второй район применения политики „отчисления одной пятой добычи“. После описанного выше усмирения Хāбйбм восстаний в Сусе, там подвизался сын правителя Ибн ал-Хāбхāба, Исма'йл, который свирепо осуществлял ту же политику, что и ал-Мурāдй: истреблялись целые стада, составлявшие единственный источник существования полукочевых племен овцеводов, берберы угонялись в рабство, дочери их вывозились в гаремы халифа и его приближенных.⁸ Прибывший в Сус со своими повстанцами Майсара подкрепил и воодушевил местные племена. Хариджиты общими усилиями разгромили войско Исма'йла; сам он поплатился жизнью за свой режим насилий и экспроприаций.⁹

Таким образом, повстанцы победили в значительной части Марокко, освободили главные районы, прочно занятые ранее представителями халифата. Из других сражений этой стадии танжерского восстания, которых было, очевидно, еще немало, известна только попытка Ибн ал-Хāбхāба использовать для расправы с восставшими войско подчиненного ему правителя на противоположном берегу Гибралтара. Под личным руководством 'амила Андалусии войско последнего переправилось через пролив, напало на жителей. Однако, несмотря на жестокие расправы, ему не удалось подавить восстание, андалусцы были разгромлены, и 'амил их едва спасся бегством в свси владения по ту сторону Гибралтара.¹⁰

Очевидно, что на этой стадии борьбы с восставшими Ибн ал-Хāбхāб не случайно избегал привлечения в помощь себе феодального ополчения ифрикийской знати — он боялся усиления ее. Но он все же был вынужден сделать это после фактической потери Марокко. С одной стороны, он потерпелся вызвать войско Хāбйба из экспедиции на острове Сицилия. С другой, не дожидаясь возвращения Хāбйба, он

العرب كان مقدم الصغرية من الخوارج في انتحال مذهبهم فقام بامرهم مدة ثم بايع العرب كان مقدم الصغرية من الخوارج في انتحال مذهبهم فقام بامرهم مدة ثم بايع... ميسرة لنفسه بالخلافة... . . . . .
 автор называет Майсару шейхом, главой софритов. Точно так же другой автор называет Майсару „эмиром Запада [Марокко] и главой софритов“ (Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 40; франц. перевод, стр. 52: *رأس الصغرية أمير الغرب*).

⁸ Там же, стр. 39; франц. перевод, стр. 51; Ибн Хāлдун, т. I, стр. 150; франц. перевод, стр. 237.

⁹ Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 142;

¹⁰ R. Dozy. Histoire des musulmans d'Espagne... т. I. Leyde, 1861, стр. 242.

спешно призвал подкрепление из оставшихся в Магрибе ифрикийцев. В его распоряжение, сообщается, прибыло „ифрикийское войско, вожди их и знать“¹¹ или, по определению другого автора, — „ифрикийцы из курейшитов, ансаров и прочих“¹², со следовавшими за ними соплеменниками, мавяли, челядью. Во главе нового ополчения тоже поставлен был фикрит, Халед ибн абу Хайб.

С этими отборными силами Халед выступил в поход. По существу, на этой стадии восстания перед ним стояла уже задача заново завоевать Марокко. С другой стороны, восставшие на этот раз впервые встретились не с местными гарнизонами, не с отрядом, пригнанным из соседней Испании, а с крупным войском класса феодалов, объединившегося для защиты своих богатств, своих привилегий. Майсара вышел навстречу неприятелю и на подступах к Танжеру разгорелось, по выражению хроника, „неслыханное, жесточайшее сражение“.¹³ Противники бились упорно, и в первых столкновениях ни один из них не добился решающего перевеса, Майсара вернулся в Танжер. Затем вскоре вновь завязался сильный бой между восставшими и войском Халеда. В это время на сцену выступает новый вождь восставших, Халед ибн Хамид аз-Зенати, ставший преемником Майсары. Предпринятый Ибн Хамидом удар с тыла, очевидно при помощи племен, спустившихся в значительном числе с соседних гор, оказался роковым для войска ифрикийцев.¹⁴ Зажатое в клещи с двух сторон повстанцами, стесненное с боков горной местностью, населенной враждебными племенами, войско ифрикийцев лишено было возможности маневрировать, отступать. И оно было наголову разбито, никто не спасся. В этом бою погибли знатнейшие витязи, цвет землевладельческой аристократии арабов, вместе с их полководцем Халедом. Память об этом сражении сохранилась в присвоенном ему феодальной историографией названии „битва благородных“.¹⁵

Гневу халифа, как сообщают, не было предела, когда ему донесли о „битве благородных“. Он угрожал посылкой экспедиции против восставших из „войска, авангард коего будет у них, а арьергард у меня“.¹⁶ Затем он отозвал из Магриба Ибн ал-Хабхаба и послал на его место Кулсума ибн 'Ийада. В распоряжение последнего было предоставлено двенадцать тысяч воинов сирийского джунда, во главе которого он поставил своего племянника Балджа. Кроме того, правители Египта, Барки и Триполи, на пути следования Кулсума с войском обязаны были придать ему пополнение из своего ополчения. С этой армией

¹¹ Ибн 'Азәрй, т. I, стр. 40; франц. перевод, стр. 52: *عسكر افریقیة* و *اشرافهم ووجهههم*

¹² Ибн 'Абд ал-Хакам. Футуҳ Мыср... (арабск. текст). Лейден, 1920, стр. 218. (В дальнейшем: Ибн 'Абд ал-Хакам). Соответственно приведенным свидетельствам мы здесь называем (осевшую главным образом в Ифрикии) арабскую землевладельческую знать „ифрикийцами“.

¹³ Ибн 'Азәрй, т. I, стр. 40: *واقفتل معه قتالاً شديداً لم يسمع قط بمثله*; Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 142.

¹⁴ Ибн 'Азәрй, т. I, стр. 40: — *غشيهم خالد بن حميد الزناتي من خلفهم* — *بعسكر عظيم*.

¹⁵ *غزوة الاشراف* (Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 218; Ибн 'Азәрй, т. I, стр. 41; Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 17).

¹⁶ Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 142; Ибн 'Азәрй, т. I стр. 41; франц. перевод, стр. 52.

Кулсум прибыл в Ифрикию в июле 741 г.¹⁷ Сразу же между вновь прибывшими силами и ифрикийцами, особенно Хабибом и его ополчением, возникла распря, которой мы еще коснемся в своем месте. Перед лицом восставших стороны временно сговорились, объединили свои силы.

Однако расхождения никак не были улажены, остались даже нерешенными некоторые тактические вопросы, чрезвычайно усложнившие задачи командования объединившимся войском халифата. Сирийцы, очевидно, не сомневались в том, что достаточно натиска их конницы, чтобы рассеять всех повстанцев. Хабиб со своей стороны настаивал на том, чтобы против пеших повстанцев выставить свою пехоту, а коннице ударить по кавалерии противника. Сирийцы никак не хотели с этим согласиться.¹⁸ Может быть, потому что они представляли основную силу конницы и предпочитали не делить славу с ополчением, отводя ифрикийцам второстепенную роль. Это не удивительно, ибо присланные халифом всины джунда были профессионалами, с малолетства приученными к сражениям, в совершенстве владели искусством верховой езды, маневра, фехтования, удара копьём. У них было лучшее оружие, крепкие кольчуги, чудесные лошади. И совсем несравнимым было их самомнение, уверенность в своей непобедимости и безграничное презрение к восставшим. Им ли опасаться безоружной толпы пастухов, мужиков, плебеев, не имеющих военного опыта? По их мнению, только осевшие здесь ифрикийцы, потерявшие военный дух, могли всерьез принимать повстанцев.

Войскам халифата здесь действительно противостояла почти безоружная масса. Источники пишут о повстанцах: „Они встретили его (Балджа) голые и босые“, или „босые и голые, одетые только в шаровары“;¹⁹ их сружимо были пращи и камни. Балдж, в соответствии со своим планом, атаковал повстанцев во главе конницы сирийцев. Однако, вопреки его ожиданиям, масса восставших не рассеялась после первой же атаки. Прежние победы успели уже окрылить их, поднять дух обездоленного народа. Правда, с другой стороны, камни, запущенные повстанцами из пращей, были не очень действенны против витязей, бронированных в панцири. Камнями поражались лошади последних, и раненые животные сбрасывали своих седоков, вносили смятение. Но, конечно, отразить натиск кавалерии своим примитивным оружием восставшие были не в силах. Сраженные ударами острых сабель и копий противника, многие падали, и лошади топтали груды тел их, беспрепятственно перепрыгивали через них. Таким образом, Балдж врубился со своей конницей в самую гущу масс. Однако в итоге он этим ничего не добился: пробившись сквозь толщу масс пехоты, кавалерия оказалась отрезанной сомкнувшимися за ней рядами повстанцев, места павших заступали другие, строй их остался непоколебимым.

¹⁷ Ибн ал-Хабхāб отбыл из Кайруана в марте 741 г. Еще до отъезда его халифом он был отставлен от дел по решению местных верхов, очевидно, ифрикийцев. Приведенные даты совпадают у Ибн 'Азāри (т. I, стр. 41; франц. перевод, стр. 52), у Ибн 'Абд ал-Хакама (стр. 218) и у Ибн Халдуна (т. I, стр. 137; франц. перевод, стр. 217).

¹⁸ Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 143; Ибн 'Абд ал-Хакама, стр. 220.

¹⁹ Там же, стр. 219: *إلا السراويلات ليس عليهم*, стр. 220: *غداة متجردين ليس عليهم*; Ибн 'Азāри, т. I, стр. 42; франц. перевод, стр. 55: *واستقبلوه عراة متجردين. فخرجوا إليه عراة*.

Почувствовав угрозу разгрома войска его, Кулсум предложил было командование Хайбу, но тот отказался, хотя и влился со своими силами в армию правителя. Нависшая над Кулсумом опасность заставила его спешно затребовать помощь из Кайруана и Триполи. Но эта помощь не поспела — Триполи и Кайруан были скованы вспыхнувшими в их соседстве хариджитскими восстаниями. Да и противники Кулсума не стали ждать, перешли в наступление, используя смтение и затруднения его расчлененной армии. Бой разгорелся с новой силой, в него вступила кавалерия хариджитов, преследуя части, оставшиеся у Кулсума и Хайба. В итоге армия халифата была разбита наголову — Кулсум вместе с Хайбом пали на поле боя. Изолированные сирийцы, вместе с Балджем и сыном Хайба 'Абдар-Рахманом, прорвались на запад и оттуда бежали в Испанию. Оставшиеся в живых ополченцы — ифрикйцы и египтяне — бежали на восток.²⁰

Хроники останавливаются только на описанных решающих сражениях, покончивших с режимом „отчисления одной пятой добычи“ и господством халифата над Марокко. Однако эти поразительные победы над прекрасно экипированными знатными витязями плохо вооруженных раздетых масс были достигнуты не только в результате описанных боев, а многочисленными стычками и сражениями, закалившими волю повстанцев. Об этих столкновениях мы знаем только со слов одной из хроник: „Между ифрикйцами и магрибийцами происходило много боев, о которых долго рассказывать“.²¹ И цитированный здесь и другие источники предпочитают не сообщать об этих боях ни долго, ни кратко. Нам поэтому остается только отметить приведенные в них оценки сражений, которые тем более заслуживают внимания, что более или менее совпадают у разных авторов: „Восстали все берберы вместе с их эмиром Майсарой ал-Хакйром“;²² „ополчились против него (правителя) все — мусульмане и неверные“;²³ „запылал пламенем Магриб, расшаталась позиция халифов Востока настолько, что уже не восставлена была покорность им“.²⁴

В руках халифата после этого оставался еще Кайруан — крепость с гарнизоном, державшая в страхе и подчинении соседние племена, основной очаг осевшей здесь арабской землевладельческой знати, средоточие официальной религии. Успешное завершение восстания могло быть осуществлено только путем быстрейшего овладения Кайруаном. Как мы упоминали, сражения хариджитов с местными гарнизонами начались здесь еще во время боев с Кулсумом, сковывая их, лишая их возможности послать подкрепления последнему против хариджитов Танжера. Расположенный между Кайруаном и Триполи район Гафсы стал очагом движения хариджитов.²⁵ Наиболее известным руководителем их был софрит 'Уккаша ал-Фазари. По имеющимся известиям, он раньше принадлежал к джунду халифата, но как хариджит перешел

²⁰ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 220—221; Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 143.

²¹ Ибн 'Азари, т. I, стр. 39; франц. перевод, стр. 51; *ثم كانت وقائع كثيرة بين اهل المغرب الاقصى واهل افرقية يطول ذكرها*.

²² Там же: *وثارت البربر كلها مع اميرهم ميسرة الحقيو*.

²³ Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 142: *وتداعت عليه باسرها مسلحها وكافرها*.

²⁴ Ибн Халлун, т. I, стр. 151; франц. перевод, 237: *واضطرم المغرب ناراً واضطرم المغرب ناراً*.

²⁵ *وانتفض امره على خلفاء المشرق فلم يراجع طاعتهم بعد*.

²⁵ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 221.

на сторону повстанцев. Под командованием 'Уккәши повстанцы нанесли поражение высланному против них из Кайруана отряду.²⁶ В свою очередь и Кайруан, объединившись с триполйским гарнизоном, одержал победу над 'Уккәшой, вынудив его отступить в пустыню.²⁷

Угрожающее положение в Магрибе заставило халифа поторопиться с назначением нового правителя. Выбор его остановился на Ханзале ибн Сафване, успевшем заслужить в Египте репутацию правителя, набившего руку на службе фиску, на подавлении народных волнений.²⁸ В это время 'Уккәша собирал новое войско. Выступая изолированно от других хариджитских соединений, он потерпел ряд поражений. Но, наконец, он объединился с силами восставшего племени хаввара, считавшегося хариджитским, софритского толка, и которым командовал местный вождь 'Абд ал-Вахид. Сообщается, что под его руководством объединилось триста тысяч бойцов.²⁹

Известия источников, особенно относящиеся к заключительному этапу борьбы масс под командованием 'Уккәши и 'Абд ал-Вахида, чрезвычайно противоречивы. Остановимся поэтому на наиболее важных чертах этих событий, прямо или косвенно подтверждаемых всеми авторами, касающимися их.

Дважды в ходе боев объединившихся сил хариджитов кайруанцам были нанесены серьезные поражения: в одном из них погиб командовавший кайруанцами 'Абд ар-Рахман ал-Гифари; в другом погибла половина кавалерии Кайруана.³⁰ По-видимому, 'Уккәша и 'Абд ал-Вахид заключили какое-то соглашение. Больше того, сообщается об объединении командования под руководством второго и о том, что авангард возглавлял Абу Курра, вождь хариджитов Тлемсена, участник боев под Танжером.³¹ Очевидно, тенденция объединения хариджитов под Кайруаном была довольно сильна. Однако на деле, в частности, благодаря хитрой политике правителя Ханзала, отряды хариджитов оставались разрозненными. В этом согласны все источники. Один из них рассказывает следующее: оба отряда с разных позиций окружили Кайруан, полжение Ханзала казалось безвыходным, он считал, что бесполезно сопротивляться объединившимся повстанцам. Так полагал и 'Абд ал-Вахид — он написал Ханзале, предлагая сдать Кайруан хариджитам. Ханзала увидел в этом, может быть не без основания, сепаратный шаг и ухватился за это с целью разжечь соперничество между 'Абд ал-Вахидом и 'Уккәшой в стремлении каждого из них овладеть городом, захватить добычу. И он написал соответствующее письмо 'Уккәше, подстрекая его против 'Абд ал-Вахида. Некоторые считают, что таким путем он предупредил объединение обеих армий хариджитов.³²

В это же время Ханзала мобилизовал денежные ресурсы, запасы оружия Кайруана, набрал много людей на войну против повстанцев.

²⁶ Там же; Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 143.

²⁷ Там же. Ханзала прибыл в Ифрикию в феврале 742 г.

²⁸ Н. А. Медников. Палестина от завоевания ее арабами... Палестинский сборник, т. XVII, ч. II, СПб., 1903, стр. 653.

²⁹ Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 144; ср. также: Ибн Халдун, т. I, стр. 138; франц. перевод, стр. 218.

³⁰ Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 144; Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 222.

³¹ Там же; Ибн 'Азари, т. I, стр. 46; франц. перевод, стр. 60.

³² Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 222. Этот автор сообщает, что 'Абд ал-Вахид уже считался халифом. См. также: Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 144; Ибн 'Азари, т. I, стр. 46; франц. перевод, стр. 60.

Улемы проповедовали воинам Кайруана джихад, возбуждая их опасностью захвата города хариджитами, угрозой убийств, грабежа, порабощения детей, насилий над женщинами.³³ Затем Ханзала незаметно, во главе части кайруанцев, продвинулся к позициям 'Уккâши, находившегося ближе к городу. В то же время он послал значительную силу против 'Абд ал-Вахид, не ожидавшего нападения. В бою с войском последнего кайруанцы одержали верх, хариджиты были разгромлены и рассеяны. Узнав об этом, подготовленный заранее Ханзала, предупредив оповещение 'Уккâши, до рассвета напал на последнего и разбил его. 'Абд ал-Вахид пал в бою, а безавший 'Уккâша был пленен и доставлен Ханзале, который казнил его.³⁴

Описывая последние события, мы уже столкнулись с участием в боях под Кайруаном хариджитов, прибывших сюда после победы их в Марокко. На это указывает руководство Абу Курры авангардом, который, очевидно, состоял из соплеменников его целиком или частично. Кроме того, из сообщения источника, подробнее других останавливающегося на интересующем нас этапе, мы узнаем, что после побед в Танжере „софриты вновь направились в поход для завоевания и ограбления Кайруана, в числе трехсот тысяч человек берберов“.³⁵ В частности, по сообщению приведенного источника, „среди вождей этого войска был Тариф“,³⁶ характеризуемый другими авторами как „вождь племен зувага и зената, участник походов Майсары ал-Маггари ал-Хақира и Маггура ибн Талута“.³⁷ Все сказанное свидетельствует об активной роли марксканцев в описанных попытках организовать поход на Кайруан. При этом важно отметить одно обстоятельство: в описаниях сражений под Кайруаном упоминается лишь одна трехсоттысячная армия, под командованием 'Абд ал-Вахид. Стало быть, упоминаемое войско той же численности, в которое входили марокканцы, и есть армия 'Абд ал-Вахид, состоявшая не только из племен хаввара, но и объединившихся с ними марокканцев. Таким образом, можно считать установленной попытку осуществления определенного единства хариджитских племен Марокко и Кайруана. В этом успешном почете единства заложен был секрет побед, одержанных над Ибн ал-Хабхабом, Кулсумом, Хабибом и другими „благородными“, как их называют источники. А с другой стороны, бои под Кайруаном обнажили ахиллесову пяту движения — соперничество в рядах хариджитов, приведшее к жестокому поражению их войска, численно превосходившего силы противника.

Позиции масс и верхов племен Магриба на Танжерском этапе восстаний

Ход рассмотренных выше событий дает нам основание констатировать наличие соперничества между вождями племен, участвовавшими

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 44; франц. перевод, стр. 58.

³⁶ Там же.

³⁷ El Bekri. Description de l'Afrique du Nord. Journal Asiatique, т. XIII, 1859, стр. 373, а также стр. 374, 381. (В дальнейшем: El-Bekri, JA); Ибн 'Азърй, т. I, стр. 44; франц. перевод, стр. 58. Впоследствии Тариф стал основателем династии в эмирате, известном по имени главного, вошедшего в состав его племени, бергавата. Но, вероятно, это племя уже до того участвовало под руководством Тарифа в его походах. В одном месте, в связи с боями в Марокко, упоминается о распространении хариджизма в этом племени (Ибн 'Азърй, т. I, стр. 39, франц. перевод, стр. 51).

в восстаниях, показывает губительное влияние этой розни на результаты хариджитского движения. Однако, к сожалению, мы имеем мало конкретных данных о вызванных ими столкновениях и еще смутнее представляем себе силы, вызвавшие соперничество. Лишь с двумя фактами этого рода, и то очень туманно освещенными, мы сталкивались за период Танжерского восстания. Первый — это загадочное убийство Майсары, вождя софритов, о котором сообщаются самые противоречивые неясные известия; второй — упомянутое соперничество между 'Уккашой и 'Абд ал-Вахидом, приведшее к раздроблению сил, осаждавших Кайруан. Этого явно недостаточно для выяснения причин расхождения интересов между разными группами и для заключения на основании таких данных об объективно-исторической роли сил, участвовавших в движении.

Основной пробел в материалах заключается в том, что источники трактуют повсюду племена как однородные коллективы, не делая разницы между богатой знатной верхушкой их и массой. С другой стороны, источники не отмечают различий между группами племен, которые могли определять позиции их в период хариджитских восстаний. Источники не останавливались на этих моментах, но они приводят некоторые данные, которые могут помочь нам хотя бы в некоторой мере, в некоторых отношениях воссоздать примерную картину межплеменных отношений и влияния новых связей, возникших наряду с хариджизмом, вскрыть в какой-то мере внутривременные отношения и различные интересы разных слоев их.

Прежде всего в нашем распоряжении имеются следующие данные об основном ядре восставших племен:³⁸ маџгара занимало район, известный ныне как „тазасский проход“, к западу от Тлемсена до Вади Себу и Феса; бергавата населяло область Тамесна, к югу от Танжера, получившую впоследствии характерное название Шавийа и примыкавшую на востоке к владениям маџгары; микнаса расположено было вдоль Вади Мулуйа, пересекающей на западе Марокко территорию маџгары, и занимало на юге район города Сиджилмаса; гомара обитало на побережье Танжерского района; магила и йфрен жили у границы Марокко, близ Тлемсена. Перечисленные районы отличались плодородием, богатыми садами, нивами, пастбищами в долинах и на склонах гор.³⁹

Характеристика района дает нам основание считать, что все указанные племена в основном не были кочевниками, а занимались оседлым сельским хозяйством и полукочевым скотоводством. Это заключение подтверждается и сведениями об отдельных племенах из числа перечисленных, хотя, очевидно, ни одно из них не представляло уже единого коллектива ни по образу жизни, ни по связям. Племя маџгара описывается как обитавшее в постоянных жилищах, шалашах из ветвей, что соответствует в основном образу жизни полукочевых овцеводов. Применение к области бергавата названия Шавийа прямо указывает на такой же образ жизни этого племени, а другие известия свидетельствуют о большой роли крупного рогатого скота в хозяйствах

³⁸ Ибн Халлун, т. I, стр. 150, 158—159, 167, 274, 281; франц. перевод, стр. 237, 249, 261; т. II, стр. 125, 136.

³⁹ Ибн Хаукал. Китаб сура ал-ард. Лейден, 1938, стр. 78—83 и 89—91. (В дальнейшем: Ибн Хаукал).

бергавата.⁴⁰ У племени гомара овцеводство если и не преобладало, то играло не меньшую роль, чем земледелие. Только небольшая степная зона протяженностью в два перехода, в соседстве с Вадй Мулуйа на территории микнаса, да близость пустыни к области Тлемсен допускали здесь сосуществование верблюдоводства и коневодства, обогащавших верхи племен. Наконец, все известия о начале хариджитских восстаний и причинах их указывают на рассмотренные районы как на легкодоступную арену власти правителей халифата, использовавших здесь целые стада овец для вывоза тонкой шерсти, угонявших отсюда в плен красивых рабынь и рабов.

Гораздо меньше, к сожалению, мы знаем о внутреннем строе интересующих нас племен. Очевидно, за много веков до изучаемого периода в Магрибе начался процесс разложения племен, охарактеризованный в трудах К. Маркса: „Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся от смешения победителей с покоренными племенами, и т. д.“⁴¹ Первым представителем высшего рода в Магрибе, выступавшим перед арабами от имени берберов, в начале завоевания страны халифатом, был Кусейла, вождь полуоседлого племени аураба. С ним правитель Абу ал-Мухаджир, маула ансаров, пытался столкнуться о союзе на почве признания ислама. А сменивший этого правителя надменный фихрит 'Укба пытался заставить Кусейлу — точно рядового, плебея, слугу, — прислуживать себе. На это последний гордо возразил, указывая на людей, представленных им для услужения 'Укбе: „Вот мои молодцы и рабы“.⁴² Очевидно, при сохранении племенной формы отношений, между верхами и рядовой массой уже образовалась значительная брешь.

В отличие от встречавшего большое сопротивление до арабских завоеваний „смешения победителей с покоренными“, этот процесс получил при арабах в первые годы господства их интенсивное развитие в форме союза арабской знати с верхами берберов. Он способствовал углублению бреши между последними и их племенными массами. На правах завоевателей осевшая здесь арабская знать присваивала лучшие земли, в первую голову те, которыми до них владели господствовавшие здесь ранее руми, — оливковые рощи Ифрикии и т. д.⁴³ Овладев основными условиями труда, арабская землевладельческая аристократия интенсифицировала расслоение, закабаляла экспропрированные окрестные общины, привлекая в качестве вассалов племенные верхи. В свою очередь последние в период сохранения союза с арабской знатью стали владельцами части земель, которыми они ранее в известной мере только распоряжались. Через посредство их вождей племена привлекались к выполнению повинностей, уплате податей, разорявших массы, но обогащавших племенные верхи. Дальнейшему расслоению способ-

⁴⁰ Шавийа (شواية) в данном случае обозначает овцеводов, область их. В организованном впоследствии княжестве Бергавата выкуп за пролитую кровь, дийа (دية) определен был в 100 голов крупного рогатого скота. См.: Ибн абу Зар'. Рауд ал-киртас. С латинским переводом Торнберга „Annales regum Mauritaniae“ Upsaliae. 1843, стр. 83. (В дальнейшем: Ибн абу Зар').

⁴¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 8; см. также стр. 9, 24 и др.

⁴² Ибн ал-Асийр, т. IV, стр. 90 (هولاء فتياني وواجاني).

⁴³ См.: El-Bekri, JA, т. XII, 1858, стр. 528; т. XIII, 1859, стр. 74.

ствовало и направление из числа интересующих нас племен больших групп берберов на завоевание Андалусии. Особое интенсивное развитие в ней феодальных отношений сказывало влияние на Магриб — часть завоевателей-берберов, получив фесд в Андалусии, не порывала связей с сородичами по другую сторону Гибралтара, а некоторые использовали эти связи, чтобы искать в Магрибе убежище после неудачных мятежей, восстаний, как например, после разгрома известного бунта предместий в Андалусии.⁴⁴

Расслоение, однако, не уничтожило еще в Магрибе старых племенных традиций, известной общности интересов. Об этом, например, свидетельствует история Сеуты, города, находившегося в начале Танжерского этапа восстаний в самом центре их. „Сеута была древним центром накануне ислама и служила тогда резиденцией Иййана, владетеля (малика) гомāры. А когда сюда прибыл Мусā ибн-Нусайр, то привлек последнего дарами и он покорился на условиях уплаты джизьи. Затем Мусā поставил его правителем, взяв заложниками сына его и сынов племени его. Поселив своего маулā Тāрика ибн Зийāда в Танжере, он сбязал гомāра поставкой войска для размещения их в этом городе. Затем состоялась переправа Тāрика в Андалусию и он обязал их участвовать в походе... А когда Иййан умер, арабы овладели городом Сеута по капитуляции жителей и заселили его. Затем случилось восстание Майсары ал-Хакира с хариджитскими беззакониями, к которым он призывал. И масса берберов гомāра и других приняли в этом участие. Берберы Танжера проникли в Сеуту и изгнали оттуда арабов“.⁴⁵

Это краткое сообщение иллюстрирует союз арабов с верхами племен и условия его, так же как нарушение его арабской знатью и возмездие ей. Иййан поступился своей властью в пользу союзников; взамен он приобрел признание их в качестве феодального сеньера, владеющего землями племени, которыми он раньше только распоряжался. Но затем арабская знать, присвоив эти земли, толкнула племенные верхи на разрыв союза, на выступление против халифата вместе с восставшими массами. Как увидим дальше, это относится только к части племенных верхов, которые, подобно знати Сеуты, потерпели ущерб от нарушения союза с ними арабской землевладельческой аристократией. Не примкнули к софритам считавшие себя гарантированными от поплзновенияй арабской знати племенные верхи, особенно в кочевых племенах, в малодоступных горных районах. Рассчитывая на поддержку этих верхов, часть знати соседних с ними племен тоже держалась в стороне от восстаний, даже когда массы их были вовлечены в борьбу.

Кроме того, племенные верхи, участвовавшие в восстании, преследовали свои особые цели. Это различие позиций их и племенных масс нашло отражение в приведенных выше известиях. Как это ни кажется необычным для средневековых хрсник, они на первый план выдвигают не роль верхов племен, а обездоленных масс.⁴⁶ По существу, с знатью

⁴⁴ В частности, к вернувшимся из Андалусии некоторые источники причисляют упомянутого Тарифа и главу повстанцев Мадинуны (Ибн абу Зарр, стр. 47, 83), а также основателя эмирата Сиджимāсы (ЕI-Веkгi, JA, т. XIII, стр. 403).

⁴⁵ Ибн Халдун, т. I, стр. 281; франц. перевод, стр. 135—136.

⁴⁶ В дополнение к приводимым здесь данным см. также во всех источниках почетельную историю основания софритской общины в Сиджимāсе.

племен мы сталкиваемся только уже после первых побед, когда встает вопрос о руководстве, о разделе власти. Приверженцы софритов характеризуются, особенно в начале восстания, как „подонки“ (طغام).

Основную боевую силу их источники называют „босьяками“ (عراة).⁴⁷ Именно их беззаветной преданности движению, их храбрости источники приписывают блестящие победы Танжерского восстания. Хотя они и избегают открытого признания этого.

Даже выдвинутые восставшим вожди были не из высшей знати; в начале движения во главе его стояли безродный маула 'Абд ал-А'ля и „водонос“ Майсара. Известия о последнем весьма противоречивы, но не опровергают этой оценки. Майсара в описаниях характеризуется, с одной стороны, как глава (رئس), вождь (زعيم), шейх (شېخ), а с дру-

гой — к его имени прибавляются прозвища „водонос“ (السقاء), „низкий“, „презренный“ (الحقير).⁴⁸ Источники объясняют последние два прозвища тем, что Майсару видели продающим воду на рынке Кайруана.⁴⁹ Буквальное понимание этого известия как занятие в качестве одиночки-водноса несовместимо с положением вождя племени или части его. Но это недоразумение устраняется двумя известными нам обстоятельствами: во-первых, отмеченной ситуацией магтары, при которой совершенно закономерно более или менее организованное и систематическое занятие разоренной части племени работами на стороне, вроде перевозок на своих вьючных животных; во-вторых, особым положением Кайруана, нуждавшегося в засушливую пору в массовой доставке воды из отдаленных загородных резервуаров, особенно для орошения садов, снабжения дворцов и вилл.⁵⁰ Следовательно, нужно предположить, что прозвище „водонос“ имеет в виду систематический уход обедневшей части магтары под руководством вождя этой группы Майсары на указанные работы.

Не только условия труда, но и другие условия жизни в таком центре, как Кайруан, служили благоприятной почвой для семян хариджизма: на одном полюсе — разорение, тяжелый подневольный труд в недалеком прошлом вольных жителей шалашей; на другом — обеспеченная трудом последняя роскошь, расточительность жителей дворцов. Такая поляризация тем более должна была возмущать массы, что феодальные отношения, проникшие в их племена, были еще там завуалированы патриархальными традициями. В соединении пропаганды миссионеров хариджитов и тяжелого жизненного опыта масс надо искать объяснение поразительно быстрому и широкому объединению разных племен в единый лагерь хариджитов-софритов, упрочивших эти связи особыми обычаями, хотя, вероятно, доисламского происхождения: отличительный военный клич, обритая макушка головы.⁵¹

⁴⁷ Ибн Халдун, т. I, стр. 137; франц. перевод, стр. 216; Ибн 'Азāрī, т. I, стр. 42; франц. перевод, стр. 55; Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 219.

⁴⁸ Ибн Халдун, т. I, стр. 150, 151, 274; франц. перевод, стр. 237, 238; т. II, стр. 125; Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 142; Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 218; Ибн 'Азāрī, т. I, стр. 39, 40; франц. перевод, стр. 51, 52.

⁴⁹ Ibn al-Kouthya. Histoire de la conquête de l'Espagne par les Musulmans. Traduite par M. A. Cherbonneau. JA, т. VIII, 1856, стр. 442.

⁵⁰ El-Bekri, JA, т. XII, стр. 476, 482. Кайруан называют городом резервуаров

(مدينة الآجن).

⁵¹ Ибн Халдун, т. I, стр. 151; франц. перевод, стр. 238.

В ходе Танжерского восстания руководство им развивается вначале в направлении все большего сосредоточения управления в руках Майсары, выдвинутого софритами. Вместе с тем он из главы одной группы племени маггара вырос в всядя всего этого племени. Концентрация руководства в руках Майсары сопровождалась безуспешной до поры до времени упорной борьбой против него прежде всего в недрах самого племени маггара. Об этом мы можем судить по чрезвычайно краткому сообщению, имеющемуся в одном из источников и относящемуся ко времени убийства Майсары. Оказывается, что в племени маггара, наряду с Майсарой, был еще один всядя „Йахйя ибн Харис, союзник Мухаммеда ибн Хазара и магрáva“. ⁵² До этого о Йахйе ничего не сообщалось. Из этого мы вправе заключить, что Йахйя, старый вождь племени, находился в период восстания не у дел. Такое заключение подтверждается еще приведенной краткой, неясной на первый взгляд, характеристикой его союзных связей. Как увидим, из них вытекает, что Йахйя стоял на позициях, враждебных повстанцам. Но вместе с тем он не порвал со своим восставшим племенем, открыто не выступал ранее против повстанцев.

Упомянутый род ибн Хазара, правивший племенем (союзом племен) магрáva еще до арабских завоеваний, представлял убедительный пример верхушки, враждебной хариджизму. Очевидно, такая позиция определялась прежде всего тем, что магрáva были в основном кочевниками, жили в палатках и пасли свои стада в степях центрального Магриба (между городами Шелиф и Тлемсен, до Джебел Мадйуна). Поэтому само племя в основном еще не испытало режима „отчисления пятой части добычи“, поднявшего другие племена Марокко на восстание. Таким образом, племенные верхи магрáva не подверглись соответствующему давлению масс. С другой стороны, очевидно, и огромные владения Хазаридов, накопленные за период векового владычества и утвержденные за ними в свое время арабами, ⁵³ не находились пока под угрозой. Более того, Хазариды использовали свержение хариджитами власти халифата в загадной части Магриба для расширения руководимого ими союза племен, для укрепления своего господства. Таким путем они вовлекли в союз вождя маггары Йахью, подчинили себе в те годы племена зената центрального Магриба. ⁵⁴

Магрáva, во главе с Хазаридами, выражали, таким образом, в годы восстаний тенденцию верхов использовать ситуацию для объединения сверху путем подчинения себе более слабых племен. Стало быть, союз Йахьи с ними надо понимать в смысле его приверженности политике сохранения привилегий „высших родов“, противопоставления интересов своей династии (хотя бы подчиненной верхам магрáva) политике Майсары, движению „презренных“, „подонков“. Нарушение союза халифом после фактического свержения власти его в Марокко должно было потерять в глазах Йахьи всякое значение. И, наоборот, возросла угроза привилегиям племенных верхов, вызванная размахом движения,

⁵² Там же, стр. 151; франц. перевод, стр. 239: *...هلك ميسرة وقام برباياسة مطخرة من بعده يحيى بن حارث منهم وكان حليفا لمحمد بن خزر ومغراوة*.

⁵³ Там же, стр. 133; т. II, стр. 234; франц. перевод, т. I, стр. 210; т. III, стр. 223.

⁵⁴ Ибн Халдуи, т. II, стр. 33, 34; франц. перевод, т. III, стр. 227. В другом месте Ибн Халдуи называет основателя династии Хазаридов „эмиром магрáva и остальных зената“ (т. I, стр. 133): *جد بنى خزر وهو يومئذ امير مغراوة وسائر زناتة*.

перехлестнувшего племенные рамки. В отличие от Хазаридов, Йахйя вынужден был до поры до времени участвовать в восстании вместе с соплеменниками, подобно другим вождям овцеводческих племен, во избежание оказаться вовсе за бортом. Но он, конечно, не отказался от своих особых целей. И убийство Майсары помогло Йахйе осуществить их. Он стал главой племени маггара, и с этого времени оно исчезает из анналов восстаний. Судьба племени, будущность страны — все принесено в жертву узким интересам „высших родов“.

Убийство Майсары, никак не вытекающее из успешного единения племен и всего развития движения, почти не нашло отражения в источниках и остается темной страницей истории Магриба. Неизвестно ни когда оно было совершено, ни чем было вызвано, ни кем совершено, несмотря на то, что эти вопросы не могли не возникнуть у авторов хроник, у исследователей. Одни источники сообщают, что Майсара еще руководил боем против Кулсума,⁵⁵ другие считают „бой благородных“⁵⁶ последней битвой под его руководством, а третьи говорят, что Майсара был убит накануне этого сражения.⁵⁷ Последняя версия логически вытекает из встречающегося намека на то, что убийство явилось следствием безрезультатности сражения под Танжером, предшествовавшего „бсю благородных“. Но сна находится в противоречии со всеми имеющимися характеристиками роли Майсары. Даже автор, относящий убийство Майсары к кануну „битвы благородных“, называет его „Майсара ал-Маггари вождь софритов, эмир Запада“.⁵⁸ Другой считал, что ко времени гибели Майсары кончилась покорность Магриба халифам.⁵⁹ Наконец, факт признания Майсары халифом,⁶⁰ очевидно осуществленного массами по своей инициативе, вопреки воле племенных верхов, — надо приписать высокому авторитету его, достоинствам его, „презренного“, „водоноса“ в глазах народа. А важнейшим его достоинством считались, конечно, победы, одержанные под его руководством.

О том, как именно был убит Майсара, источники вовсе умалчивают. Все ограничивается туманными намеками, долженствующими оправдать это убийство и, таким образом, как бы снимают вопрос об убийцах. И если нельзя сказать о всех этих сообщениях, что они противоречат друг другу, то только потому, что они все по существу одинаково беспредметны. Два источника сообщают, что „берберы осудили его [Майсару] за худое поведение и отклонение от условий присяги ему и убили

⁵⁵ Там же, т. I, стр. 151; франц. перевод, стр. 239: *وزحف كلثوم الى البرابرة سنة ثلاث وعشرين حتى انتهت مقدمته الى وادي سبو من اعمال طنجة فلقبه هذه البرابرة هنالك مع ميسرة...* Эта версия подкрепляется на той же странице сообщением о том, что и „боем благородных“ руководил Майсара. Тем не менее описывая этот бой в другом месте, Ибн Халлун указывает на Ибн Хамйда, как на главу хариджитов (там же, т. I, стр. 137; франц. перевод, стр. 217).

⁵⁶ Ибн 'Абд ал-Хаккам, стр. 218: *وقال ان خالدًا لقي ميسرة دون طنجة فقتل ومن معه*.
⁵⁷ Ибн ал-Асфйр, т. V, стр. 142; Ибн 'Азфйр, т. I, стр. 40—41; франц. перевод, стр. 52.

⁵⁸ Там же, стр. 40; франц. перевод, стр. 51.

⁵⁹ Ибн Халлун, т. I, стр. 151; франц. перевод, стр. 239.

⁶⁰ Ибн 'Абд ал-Хаккам, стр. 218: *هو الذي قام بامر البربر وأدعى الخلافة وتسمى بها وبويع عليها*.

его".⁶¹ Третий пишет: „Берберы порицали его за образ жизни — а они присягнули ему как халифу, — и они убили его“.⁶² Четвертый не связывает убийство с нарушением присяги: „Затем ухудшилась его деятельность, и берберы порицали его за присшедшее с ним и убили его“.⁶³ Более чем странно, что источники, щедро приписывающие Майсару и восставшим „презренного всеноса“, „подонков“, не воспользовались возможностью расписать грехи, приведшие к убийству этого еретика, в прствополсжнность, например, описанию причин убийства правителя Йазъда, или псмсшника правителя ал-Мурāдй.

Остается только считать, что стсутствие указания на определенную вину Майсары вызвано тем, что не в приведенных иносказаниях следует искать причину убийства его. Вполне допустимо, конечно, предположение, что военные успехи и признание его халифом могли вскружить Майсару голову; с другой стороны, имеется твердое основание считать, что ход восстания должен был побудить Майсару покушаться на прерогативы племенных верхов даже вопреки данному им обещанию и вызвать сопротивление их этому „нарушению условий присяги“.⁶⁴ Но оставаясь на почве фактов, мы можем лишь констатировать, что убийство никак не связывается ни с какими волнениями, ни с какими военными осложнениями. Единственная, действительная и непосредственно связанная с убийством, пертурбация заключалась в очень важных перемещениях в верхах движения, в выступлении на арену новых руководителей: маггара получили нового вождя, как мы видели, весьма подозрительной ориентации; главой племен, объединившихся под знаменем хариджитов, стал упомянутый Хāлед ибн Хāмйд, из племени зенāта, группы, в которой подавляющую роль играли враждебные хариджизму верхи их, как мы видели на примере Хāзаридов и маггара; ⁶⁵ упомянутый Абū Курра стал вождем зенāта, видимо только тех из них, которые примкнули к хариджитам.

Как мы видели, примкнувшие к хариджитам вожди племен боролись за свои цели, решали задачи, поставленные их „высшими родами“. Майсару должен был служить им помехой и не удивительно, если они, а в первую голову клика Йахйи, искали выход в устранении Майсары и замещении его своим представителем. Во всяком случае, бесспорным является непосредственная связь убийства Майсары с перегруппировкой в руководстве племенем, а может быть и всем движением, заинтересованностью верхов, особенно Йахйи, в убийстве Майсары.

⁶¹ Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 40; франц. перевод, стр. 51: فانكرت البربر عليه. سوء سيرته وتغيرته عما كانوا بايعوه عليه. Ибн 'Абд ал-Хāкам, стр. 218: فانكرت عليه البربر سيرته وتغيرته عما كانوا بايعوه عليه فقتلوه. Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 142: فانكرت البربر سيرته وكانوا بايعوه بالخلافة فقتلوه.

⁶² Ибн Хāлдун, т. I стр. 137; франц. перевод, стр. 217: ثم ساءت سيرته فنقم عليه البربر ما جاء به فقتلوه. Сличение этих формулировок наводит на мысль о том, что они, может быть, восходят все к одному источнику.

⁶³ История хариджитского движения в Магрибе, как увидим, знает ряд случаев борьбы в связи с тенденцией племенных верхов ограничивать власть вождей движения и стремлением последних подчинить себе племенные верхи, закрепить власть за своей династией.

⁶⁴ Там же, т. II, стр. 15; франц. перевод, т. III, стр. 199, 200. У Ибн 'Абд ал-Хāкама вначале вместо Ибн Хāмйда приведено другое имя (стр. 218), но потом он тоже называет нового главу софритов хариджитов Ибн Хāмйдом (стр. 219).

Поэтому, придерживаясь древнего определения „кому выгодно“, ⁶⁶ мы должны считать, что убийцы (или инспираторы — что то же самое) были из названных верхов, что причиной была сепаратистская тенденция убийц, озабоченных сохранением и расширением своих привилегий, власти.

Отмеченная борьба „высших родов“ за господство определяла внутреннее положение во всех племенах. В племени Абу Курры мы встречаемся с усложнением связей, вызванным не только разделом его племени на сторонников и противников хариджизма, но и слиянием частей разных племен. Например, Ибн Халдун не уверен, принадлежал ли Абу Курра к йфренитам или магилитам и объясняет расхождение мнений „передатчиков“, в частности, тем, что оба племени жили на одной территории, что, очевидно, стало в значительной мере определяющим для населения ее. В то же время, сообщает он, йфрениты делились на две группы, занимавшие разные территории и, очевидно, придерживавшиеся различной ориентации. ⁶⁷ В последующих выступлениях хариджитов мы еще столкнемся с противодействием Абу Курре со стороны сородичей, свидетельствующем об использовании соперничающими верхами непрочности единства сил Абу Курры. О Тарифе тоже приводится сообщение, что лишь спустя ряд лет после участия его в боях на стороне Майсары и после похода (неудачного) на Кайруан, он признан был главой бергавата и основал в нем местный эмират; очевидно, до этого главенство его сепарировалось другими верхами племени. ⁶⁸ В отличие от магары и бергавата, рассматриваемых как единые в то время племена, микнаса считалось конгломератом родственных племен. Но нет сообщений, какое из них примкнуло к хариджитам; видимо, не все они и, очевидно, этническая общность их не была определяющей в данном случае. О той части микнасы, которые остались верны хариджизму после восстания, сообщается, что они основали центр в Сиджилмаса, который раньше возглавлял местный руководитель софритов, негр, убитый затем и замененный микнаситом, основавшим свою династию. ⁶⁹ Многие гомара в разгар хариджитского восстания, подчинялись династии княжества Нокур, арабского происхождения, занимавшей часть их территории, хотя ересь пустила среди них глубокие корни и после формирования в Марокко других местных имаматов, у гомара появился свой пророк, Хамий. ⁷⁰

Таким образом, выясняется, что широкие массы племен и городов Магриба беззаветно отдавали свою жизнь за объединение разных, уже основательно расшатанных изнутри, расколотых племен, под единым знаменем борьбы против порабощения, против господства арабской землевладельческой аристократии и ее государства, халифата. Но их верхи, даже кровно задетые нарушением союза арабской знатью, тем

⁶⁶ Is fecit cui prodest — сделал тот, кому это выгодно. В. И. Ленин рекомендовал: „Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: „Кому выгодно?““ (В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 19, стр. 33).

⁶⁷ Отсюда расхождение в оценке позиции йфренитов — одни считали их приверженцами официального ислама, другие — хариджитами (см.: Ибн Халдун, т. II, стр. 14, 16; франц. перевод, т. III, стр. 198, 200—201).

⁶⁸ Ибн Азари, т. I, стр. 44—45, франц. перевод, стр. 58—59.

⁶⁹ Там же, стр. 69, 155; франц. перевод, стр. 91; Ибн Халдун, т. I, стр. 166, франц. перевод, стр. 259.

⁷⁰ Там же, стр. 271, 276; франц. перевод, 136, 144.

не менее тормозили победоносное развитие восстаний, опасаясь, что намечавшееся объединение племен лишит их присвоенных им привилегий, усилит их соперников.

Политический кризис феодальной власти Кайруана и развитие новых очагов восстаний (744—756 гг.)

Хариджитское движение в Магрибе разворачивалось в специфической обстановке, но, характеризуя последнюю, нельзя абстрагироваться от событий, ареной коих стал в интересующие нас годы халифат. Описывая эту ситуацию, Ибн Халдун сообщает: „Когда произошла распря среди Омейядов, случилось столкновение шиитов и хариджитов с Мерваном, и дело дошло до победы Аббасидов над Омейядами, ‘Абд ар-Рахман ибн Хабиб пересек море из Андалусии в Ифрикию и овладел ею“.⁷¹ Автор совершенно правильно связывает ситуацию на востоке халифата с развернувшейся в Магрибе новой фазой борьбы ифрикийцев за власть и долю прибавочного продукта, обострившей сопротивление эксплуатируемых.

Прежде чем перейти к указанному вторжению ‘Абд ар-Рахмана и к узурпации им власти в Ифрикии, длившейся около 10 лет, остановимся вкратце на истории его рода в Магрибе, что даст нам возможность лучше понять основные черты, характерные для периода господства ‘Абд ар-Рахмана в Ифрикии. Предок его, ‘Укба, был одним из двух первых правителей и завсевателей страны, проводивших две разные линии покорения Магриба: 1 — завсевание силой, 2 — покорение с помощью союза. Отважный и надменный ‘Укба представлял первую линию и, как сообщается, заковал в кандалы своего соперника, отстаивавшего второй вариант. Отношение его к местному населению может характеризовать следующая выдержка из описания его похода в глубь Марокко: „Он дал им (берберам) бой, подобно которому не слыхано было, большое число их было убито. А их женщины, невиданной красоты, были захвачены и, как говорят, продавались на Востоке по цене около тысячи мискелей каждая“.⁷² Как известно, ‘Укба заплатил жизнью за свою политику — он был убит в бою с берберами. Но в районе Кайруана прочно укрепились и осели родичи ‘Укбы, присвоившие здесь лучшие земли.

Позднее, в годы правления Магрибом Мусы ибн Нусейра, прославились здесь три сына ‘Укбы — Ййад, Осман и Абу ‘Убейда. Они видели прежде всего задачу свою в укреплении авторитета и роли рода фикритов, в расширении своих владений. Несмотря на то, что правитель Муса заключил мир с городом Сегума, сыновья ‘Укбы, мотивируя желанием отомстить за убийство отца, самовольно отправились с экспедицией против жителей Сегумы и этим понудили Мусу последовать за ними. Город был разграблен и разрушен, знать его уничтожена, ты-

⁷¹ Там же, стр. 138; франц. перевод, стр. 217—218.

⁷² Ибн Халдун. Ахбар даула бану ал-Аглаб (арабск. текст). Франц. перевод: Histoire de l'Afrique sous la dynastie des Aglabites... texte arabe d'Ebn-Khaldoun, accompagné d'une traduction française et des notes par A. Noel des Vergers, Paris, 1841, стр. 20, прим. 14 с следующей выдержкой из ан-Новейри: لم يسمع بمثله فقتل خلقا كثيرا منهم واصاب نساء لم ير الناس مثلهن فقيل ان الجارية كانت تساوى بالمشرق الف مثقال واكثر واقل (в дальнейшем: Бану ал-Аглаб).

сячи людей угнаны в рабство.⁷³ Через несколько лет, когда Мусā впал в немилость, халиф привлек Хāбиба, сына упомянутого Абу 'Убейды, внука 'Уқбы, для убийства из-за угла сына Мусы, которого отец оставил правителем Испании. Распоряжение халифа было выполнено в точности.⁷⁴

Этот акт не свидетельствовал ни о прежней отваге, ни о покорности фикритов воле халифа. Он отражал готовность фикритов любыми средствами устранить соперника — род Мусы, укрепившийся было в Танжере и представлявший угрозу для них. Об этом свидетельствует известие, дающее ясное представление о богатстве и могуществе рода Мусы и других феодалов Магриба. После смещения Мусы с поста правителя Магриба и заточения его в тюрьму, он заявил, что добровольно подчинился отзыву его халифом из Магриба, хотя владел там достаточными средствами и силой для сопротивления. А когда его спросили: „Сколько ты и твой дом насчитываете мавāли и слуг, будет ли вас с тысячу человек?“ Мусā ответил: „Да, и еще тысяча и еще тысяча“.⁷⁵ Хāбиб лишь использовал для укрепления своих позиций опасения, которые эта сила вызывала у халифа. А последний, руководствуясь своими выгодами, охотно использовал фикритов против других феодалов, но воздерживался от поручения Хāбибу управления Магрибом; хотя фикриты принадлежали к высшей знати курейшитов.

Халиф имел, очевидно, достаточно оснований не доверять управлению Магрибом представителю рода фикритов. Это, в свою очередь, обостряло и без того острую борьбу между центральной властью и фикритами за господство, за долю прибавочного продукта. В значительной мере именно эта борьба, как мы видели, толкнула халифат на проведение в Магрибе политики „отчисления одной пятой добычи“. Но, как всегда, та и другая стороны нуждались во взаимной поддержке против народа, особенно когда разгорелись хариджитские восстания. В начале их мы встретились с упомянутым Хāбибом и сыном его 'Абд ар-Рахмāном, стоявшими во главе экспедиции в Сусе и на островах Средиземного моря, где богатая добыча, масса пленных и новых мавāли умножали силы их группы. Есть основание подозревать, что именно групповые интересы определили весьма подозрительное выжидание Хāбиба во время „битвы благородных“. Об этом случае мы имеем известие, описывающее, как после отзыва Хāбиба из Сицилии и мобилизации правителем сил возглавленных другим фикритом Хāледом, последний „отправился против Майсары и по следам его прибыл Хāбиб ибн абу 'Убда. Хāлед следовал до Вадй Шелиф, реки, протекающей вблизи Тāхерта, и перешел ее, а затем продвинулся Хāбиб и расположился у переправы упомянутой реки, не покидая ее, [в то время как] Хāлед не медля отправился дальше, пока не столкнулся с Майсарой близ Танжера“.⁷⁶ Трудно предположить, что пока длились первые бои

⁷³ Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 26; франц. перевод, стр. 33 (третий сын 'Уқбы ошибочно назван автором Абу 'Убда; дальше и сын последнего здесь зовется ошибочно Хāбиб ибн абу 'Убда).

⁷⁴ Там же, стр. 31—33; франц. перевод, стр. 41, 43—44.

⁷⁵ Там же, стр. 31—32: في كم تعتد انت واهل بيتك من الموالى والخدام اذكونون
في الف فقال نعم والف والف

⁷⁶ Там же, стр. 40; франц. перевод, стр. 53: خالد بن ابي حبيب الفهرى
فشخص الى ميسرة ووصل حبيب بن ابي عبدة في اثره وسار خالد حتى عبر وادى

там, пока тянулся перерыв, во время которого Майсара ушел в Танжер, пока там назревали события, приведшие тогда, как полагают некоторые, к убийству Майсары, пока шло решающее сражение, „бой благородных“, — что за все это время Хәбиб не имел никаких сообщений с фронта, не мог поспеть на помощь Хәледу. Тем более, что самый „бой благородных“ происходил недалеко от Шелифа, по-видимому.⁷⁷ Напрашивается вывод, что Хәбиб берег свое ополчение⁷⁸ для других целей, не имеющих ничего общего с укреплением власти халифата.

В частности, известным подтверждением приведенных подозрений может служить использование Хәбибом в тот момент хариджитского восстания и разгрома его соплеменников в „бою благородных“ для расширения своей сферы господства. Когда старый правитель был отставлен, а Кулсум еще не прибыл и не было на границе Марокко иных воинских сил, кроме войска, которое Хәбиб сумел сберечь, он захватил важный центр страны, Тлемсен. Во главе этого города стоял тогда маула первого завоевателя, проникшего в Магриб, Ибн Худейджа и, очевидно, город входил в сферу влияния его потомков. По сообщению источника этот глава города собирал вокруг себя племена, оставшиеся верными халифату.⁷⁹ Такая оценка деятельности главы Тлемсена кажется вполне обоснованной: Тлемсен был центром, который оспаривали кочевавшие вблизи него упомянутые магрэва, считавшиеся всегда наиболее верными союзниками Омейядов.⁸⁰ Тем не менее, не считаясь с ущербом, наносимым лагерю сторонников халифата, всеильный Хәбиб арестовал указанного главу города, обвинил его в сговоре с хариджитами, отрубил ему руку и ногу, сам стал править Тлемсеном. Очевидно, Тлемсен и вообще район его привлекал Хәбиба, как зона возможного объединения, но именно под его руководством, племен, противившихся хариджитами, — план, который вслед за ним пытался потом реализовать сын его, 'Абд ар-Рахмән, как мы увидим ниже.

По прибытии в Магриб нового правителя Кулсума, сразу разгорелся острый конфликт между ним и Хәбибом. Очень может быть, что причина его лежит в предшествовавших ему подвигах Хәбиба в Тлемсене и на р. Шелиф. Вначале командир прибывших с Кулсумом сирийцев потребовал, чтобы ифрикийцы Кайруана не закрывали домов, дабы иметь возможность всегда проверять в них людей. В ответ на жалобу их Хәбибу тот угрозами обратил оружие против Кулсума заставил последнего извиниться. Затем, когда войска Кулсума приблизились к расположению Хәбиба, между ними произошел спор, достигший такой остроты, что в обоих лагерях уже раздались призывы к оружию. Здесь проявил, в частности, особую ретивость 'Абд ар-Рахмән ибн Хәбиб.⁸¹ Однако классовые интересы центральной феодальной власти совпадали с стремлениями землевладельческой аристократии ифрикий-

شلف وهو نهر بمقربة تاهرت ثم قدم حبيب فنزل على مجاز الوادي المذكور فلم يبرح منه ومضى خالد من فوره حتى لقي ميسره بمقربة من طنجة.

⁷⁷ Ибн Халдун даже считает, что бой произошел близ самой реки Шелиф (т. I, стр. 137; франц. перевод, стр. 217).

⁷⁸ Ибн 'Азари в приведенной выдержке отмечает, что Хәбиб возглавлял одних ифрикийцев, а у Хәледа был и джунд.

⁷⁹ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 218.

⁸⁰ См.: Ибн Халдун, т. II, стр. 34; франц. перевод, т. III, стр. 224.

⁸¹ Ибн ал-Асир, т. V, стр. 143; Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 219; Ибн 'Азари, т. I, стр. 41—42; франц. перевод, стр. 54.

цев, — хотя и готовых всегда использовать смуту в интересах своей группы, в ущерб своим соперникам. И перед лицом массового восстания обе стороны, как сообщается, „объединились для борьбы с берберами“.⁸² Как известно, в этой войне Куасум и Халиб пали на поле боя, а 'Абд ар-Рахман едва спасся бегством в Испанию (741 г.).

Развитие феодальных отношений наложило свою печать на эволюцию рода Укбы. У всех потомков его неизменно выступает преваляющая черта надменности знатного завоевателя, выражающаяся в полном презрении ко всем берберам, во всегдашней готовности устранить соперников из сородичей, в усиливающейся непокорности центральной власти; с этой надменностью могла конкурировать только их растущая жадность феодального рода к власти, к земельным захватам. Наиболее яркими представителями этого рода оказались сыновья, потомки погибшего Халиба, вернувшиеся вместе со старшим из них, 'Абд ар-Рахманом, в Ифрикию. В них, как увидим, черты „благородства“, развившиеся за ряд поколений, обостренные углублением феодальных противоречий, получили свое завершение.

Очевидно, помимо общей обстановки в халифате, указанной в приведенной выдержке Ибн Халдуна, решимость 'Абд ар-Рахмана вернуться в Кайруан определялась описанными неудачами восставших, атаковавших этот город. В 744 г. 'Абд ар-Рахман высадился в Тунисе с родичами, мавяли, слугами и предъявил правителю Ханзале требование сдать ему Кайруан. Памятуя приведенный выше знаменательный диалог с Мусой о силах, на которые последний мог опереться при желании дать стпор халифу, мы можем приблизительно представить себе, каковы были шансы 'Абд ар-Рахмана. Если даже он мог выставить тысяч пять воинов, то атаковать Кайруан он сумел бы только в расчете на диверсию сторонников фикритов внутри стен города.⁸³ Что касается Ханзалы, то он, очевидно, в этом конфликте мог опереться главным образом на джунд Кайруана. И хотя этот гарнизон основательно поредел в боях с Уккашей и 'Абд ал-Вахидом, силы его все же значительно превышали отряды 'Абд ар-Рахмана, тем более, что джунд был защищен укреплениями Кайруана.

Ханзала, как сообщается, избегая напрасного кровопролития, послал к 'Абд ар-Рахману делегатов для переговоров. Опасность кровопролития действительно была бы весьма велика в случае выступления фикритов в городе. Но, учитывая известный нам опыт переговоров Ханзалы с 'Абд ал-Вахидом, нельзя не предположить, что назначение им делегации было ловушкой для 'Абд ар-Рахмана; эта делегация состояла из высшего командного состава джунда Кайруана,⁸⁴ и они могли бы, например, разведать силы 'Абд ар-Рахмана и т. д. Но Ханзала жестоко просчитался — 'Абд ар-Рахман не был наивным, неискушенным племенным вождем, которого Ханзала обвел вокруг пальца.

⁸² Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 143: واجتمعوا على قتال المرير.

⁸³ Примерное представление о населении Кайруана дает сообщение Ал-Йа 'куби (Китаб ал-булдан (арабск. текст). Лейден, 1892, стр. 348. В дальнейшем: Ал-Йа 'куби), относящееся, правда, уже к правлению Аглабидов. Автор перечисляет здесь: курейшитов и арабов других племен — модаритов, раби'итов, кахтанитов, а также хорасанцев из джунда, берберов и руми.

⁸⁴ Бану ал-Аглаб, стр. 15; франц. перевод, стр. 43: ودعت إليه وجوه الجند. Другие авторы говорят, что в состав делегации входила знать Кайруана (ифрикийцы), но тогда непонятно отношение к ним 'Абд ар-Рахмана ибн Халиба и последовавшая капитуляция Ханзалы.

Вместо переговоров с делегатами 'Абд ар-Рахмāн заковал их в кандалы и использовал как заложников. Ведя их за собой, он приблизился к укреплениям Кайруана и объявил, что убьет делегатов, если в него будет брошен хоть один камень с городских стен.⁸⁵ В устах 'Абд ар-Рахмāна ибн Хāбиба ибн абū 'Убейды ибн 'Уқбы, достойного потомка своих предков, прославившихся хладнокровными казнями, это диичное предупреждение не звучало пустой угрозой. И, естественно, что к требованию кайруанских фикхитов о сдаче города 'Абд ар-Рахмāну присоединился и джунд — близкие и соратники делегатов, захваченных в качестве заложников. Хāнзала оказался безоружным — этим можно объяснить уход его из гора на Восток без сопротивления.⁸⁶ 'Абд ар-Рахмāн без боя овладел Кайруаном; так центр халифата в Магрибе превращался в вотчину фикхитов.

Начало правления 'Абд ар-Рахмāна в Ифрикии ознаменовалось семилетием чумы и голода, спррвсждавшимися восстаниями племен, мятежами. Юго-восточное побережье Ифрикии (ас-Сахил) было охвачено возмущением населявших его арабов, на северо-востоке Тунис и некоторые другие пункты были захвачены мятежным джундом, в районе западнее ас-Сахила разгорелось восстание племен санхāджа, в горах Аурас — нефзāва, в Трислитании — хаввāга и нафуса.⁸⁷ Город Кайруан оказался в кольце пожаров. Но воинственные фикхиты — 'Абд ар-Рахмāн с сыном, братьями и племянниками — сумели разбить повстанцев поодиночке. Подобно своему отцу, 'Абд ар-Рахмāн видел высшую мудрость управления в терроризировании народа и неуклонно следовал ей. Источники сообщают о его жестоких расправах, о том, что при нем "... в Ифрикии были войны и сражения, о которых долго рассказывать".⁸⁸ Почти повторя друг друга, источники говорят об итогах его репрессий: "И он подчинил себе весь Магриб, обесславил находившихся в нем берберов".⁸⁹ При этом один автор добавляет: "Все население Магриба было охвачено страхом, ужасом".⁹⁰

В 752 г. „успокоив“ Ифрикию, 'Абд ар-Рахмāн предпринял набег на Тлемсен, знакомый ему по походам совместно с отцом. Несмотря на восхваление источниками этой любопытной экспедиции, остается совершенно неясным не только реальный результат ее, но и конкретные задачи: „Он совершил набег на Тлемсен, победил группировки берберов и вернулся в Кайруан“.⁹¹ Необычные слова о группировках

⁸⁵ Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 48: *ووثقهم في الحديد واقبل بهم الى القيروان وقال ان رمى احد من اوليائهم بحجر قتلتم وكانوا وجوههم ورمسائهم*.

⁸⁶ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 223; Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 48; франц. перевод, стр. 62; Ибн Хāлдун, т. I, стр. 138; франц. перевод, стр. 218; Бану ал-Аглаб, стр. 15; франц. перевод, стр. 43. В обеих работах Ибн Хāлдун прибывает 'Абд ар-Рахмāна и вступление его в Кайруан датируется 744 г., а у Ибн 'Азāрй прибывает в Тунис — 745 г., вступление в Кайруан — 747 г.

⁸⁷ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 224—25; Ибн Хāлдун, т. I, стр. 138; франц. перевод, стр. 218—219; Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 48; франц. перевод, стр. 63; Бану ал-Аглаб, стр. 15; франц. перевод, стр. 44.

⁸⁸ Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 48; франц. перевод, стр. 63.

⁸⁹ Ибн Хāлдун, т. I, стр. 139; франц. перевод, стр. 219.

⁹⁰ Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 49: *... ودوخ المغرب كله واذل من به من القبائل. وداخل جميع اهل المغرب العرب والخوف منه*.

⁹¹ Там же: *فغزا تلمسان... فظفر بطوائف من السدو وعاد الى القيروان*. Термин „тава'иф“ можно перевести и словом „племена“, „части племен“, но в этом значении

напоминают о том, что Тлемсен был центром, вокруг которого шла борьба между Абū Куррой, основавшим здесь софритский имамат, и Хазаридами, подобно 'Абд ар-Рахмāну использовавшим „смуту“ для расширения своей сферы господства. Вероятно, именно расчеты, построенные на этом соперничестве, привели 'Абд ар-Рахмāна в Тлемсен, который, как мы помним, искал еще его отца. В самом деле, какие принципы могли помешать ему, узурпировавшему власть в Ифрикии, попытаться опереться на „верных“ Хазаридов против хариджитов и противопоставить свою династию разбитым на востоке Омейядам и новой неокрепшей еще там династии Аббасидов, да усилившимся в связи с этим сепаратистским тенденциям по ту сторону Гибралтара?

До этого похода 'Абд ар-Рахмāн успешно добивался признания его халифами. И надо полагать, что ему приходилось выполнять при этом определенные условия вассалитета. Но вступившему на трон с 754 г. халифу Абū Джа'фару ал-Мансūру он отказался посылать обычные „дары“. Оказывается, последний требовал рабов и рабынь, а 'Абд ар-Рахмāн ответил ему: „Ифрикия ныне вся исламизирована и угон в рабство отсюда прекращен“.⁹² В результате 'Абд ар-Рахмāн порвал с халифатом. Разрыв и приведенная формулировка причины его, очевидно, стали достоянием хроники потому, что они широко разглашались. А тогда возникает предположение, не сделано ли все это 'Абд ар-Рахмāном с целью реставрации от своего имени союза с верхами берберов, которых такая перспектива, видимо, привлекала.

Однако эти внешние успехи разожгли внутренние феодальные распри в недрах самой династии. Разгорались аппетиты и других потомков Хāбиба — братьев, племянников 'Абд ар-Рахмāна. Как мы упоминали, роль их была весьма значительной в укреплении господства 'Абд ар-Рахмāна. Одни из них правили крупными центрами, другие возглавляли успешные экспедиции; среди последних особенно отмечается брат 'Абд ар-Рахмāна Илйās. По-видимому, наиболее серьезное недовольство последнего вызвало назначение 'Абд ар-Рахмāном своего сына наследником трона. Причем с целью укрепления авторитета сына 'Абд ар-Рахмāн, как передают, приписывал ему победы, одержанные под командованием Илйāса.⁹³ Вторым обстоятельством, обострившим отношения между братьями, была казнь 'Абд ар-Рахмāном, по обвинению в покушении на его власть, двух омейядских принцев, бежавших в Кайруан от преследования Аббасидов; Илйās был женат на их кузине.⁹⁴ И, наконец, критической точки отношения между братьями достигли после разрыва 'Абд ар-Рахмāна с Аббасидами. „Илйās увидел в этом путь для достижения своей цели, столкнулся с вождями джунда об убийстве 'Абд ар-Рахмāна и он дал слово быть верным Аббасиду ал-Мансūру; ему

он, кажется, ни разу не встречается у цитируемого автора. См. также: Ибн Халдун, т. I, стр. 139; франц. перевод, стр. 219; Бану ал-Аглаб, стр. 15; франц. перевод, стр. 44.

⁹² Ибн 'Азāрий, т. I, стр. 55; франц. перевод стр. 73 *إن إفريقية اليوم إسلامية كلها وقد انقطع السبي منها*. Лицемерие аргументации лишь подчеркивает успех восстановления. См. также: Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 238.

⁹³ Ибн 'Азāри, т. I, стр. 56; франц. перевод, стр. 74.

⁹⁴ Там же, стр. 49—50; франц. перевод, стр. 65. В „Бану ал-Аглаб“ (стр. 16; франц. перевод, стр. 45) в качестве вины казненных принцев указывается попользование на власть халифа.

содействовал в этом брат его 'Абд ал-Вāрис".⁹⁵ До 'Абд ар-Рахмāна дошли слухи о подозрительных переговорах, и он предложил Илйāсу отправиться в Тунис, где правил брат его 'Амрāн. Но кризис уже созрел. При прощании с 'Абд ар-Рахмāном по случаю отъезда Илйās в присутствии 'Абд ал-Вāриса сильным ударом кинжала пронзил грудь 'Абд ар-Рахмāна, потом изрубил мечом, отрезал голову и предъявил ее заговорщикам, ждавшим поблизости исхода схватки. Это произошло в 755 г.

Правителем стал Илйās. Но политический кризис на этом не закончился. Несмотря на приказ Илйāса и 'Абд ал-Вāриса, предусматривавший закрытие ворот дворца и захват сына 'Абд ар-Рахмāна, наследника его, Хāбиба, последнему удалось скрыться. Он нашел поддержку у своего дяди 'Амрāна, и они вместе повели войну против Илйāса.⁹⁶ После ряда вооруженных столкновений с ними Илйāсу пришлось пойти на переговоры. Ифрикия была поделена на три удела: северо-восточное побережье с городом Тунис было отдано 'Амрāну; юг области, включая Гафсу и оазисы Кастилии, — Хāбибу; центр вместе с Кайруаном — Илйāсу.⁹⁷ Вскоре Илйās расправился с 'Амрāном, а затем разгорелась война между Илйāсом и Хāбибом, в которой племянник убил своего дядю, отрезал голову ему и некоторым знатным соратникам его. Другой дядя Хāбиба, 'Абд ал-Вāрис, преследуемый им, бежал в горы Аурās, где вынужден был искать убежище у мятежных племен.⁹⁸ В 756 г. Хāбиб стал владетелем Кайруана, но ненадолго: через год он и вся династия Фихритов, потомков 'Уқбы, были навсегда свергнуты восстанием племен.

Углубление политического кризиса, вызванное центробежными тенденциями 'Абд ар-Рахмāна, разложением в рядах сородичей его, распрями между ними и междоусобицей, сопровождалось усилением эксплуатации населения, дальнейшим упадком сельского хозяйства, обнищанием, голодом, эпидемиями. Такая ситуация не могла ободрить борьбу племен, не усилить движение хариджитов.

Интересным представляется упомянутое выше известие о восстании племен, именуемых в источниках санхāджа и во главе которых стояли эмиры Сāбет ибн Узидун и 'Абдаллах ибн Сакердид; восставшие заняли Бāджа, крупный центр горного района (к западу от города Туниса).⁹⁹

Такие события в горном районе вокруг Бāджи все время потом повторяются, свидетельствуя об огромных резервах сопротивления гнету халифов и ифрикийцев.¹⁰⁰

⁹⁵ Бану ал-Аглаб, стр. 16; франц. перевод, стр. 47: فوجد اخوه الياسي بذلك السبيل الى ما كان يحاول عليه وداخل وجوها من الجند في الفتك بعبد الرحمان واعادة الدعاء للمنصور ومالاه في ذلك اخوه عبد الوارث

⁹⁶ Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 56—7; франц. перевод, стр. 74—75; Бану ал-Аглаб, стр. 17; франц. перевод, стр. 48.

⁹⁷ Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 57; франц. перевод, стр. 75; Бану ал-Аглаб, стр. 17; франц. перевод, стр. 50.

⁹⁸ Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 57—58; франц. перевод, стр. 75—77; Бану ал-Аглаб, стр. 17—18; франц. перевод, стр. 50—52.

⁹⁹ Ибн Хāлдун, т. I, стр. 138; франц. перевод, стр. 219; Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 49; франц. перевод, стр. 63.

¹⁰⁰ См.: там же, стр. 65 и стр. 72; франц. перевод, стр. 86, 96; Ибн Хāлдун, т. I, стр. 140; франц. перевод, т. I, стр. 221—222; Ибн ал-Асйр, т. VI, стр. 75.

Независимо от непосредственных результатов, хариджитские восстания, как увидим, уже ставили задачу преодоления сепаратизма, выдвинули силы, которые приступили к решению этой задачи. Центром таких попыток стал район Триполитании. Здесь одновременно с событиями в Баджа произошли такие же стихийные восстания. Один из братьев 'Абд ар-Рахмана, правивший этим районом, решил при помощи террора задушить хариджитов племен хаввара, которые здесь были очень многочисленны. С этой целью правитель предал казни хариджитского қәди — их судью и религиозного руководителя, пользовавшегося здесь большим влиянием. Однако это убийство не только не искоренило хариджизма, а наоборот, послужило сигналом к новым восстаниям, которых уже не смогли приостановить ни смещение правителя, ни попытки преемника его вступить в переговоры. Хариджиты взяли Триполи, убили правителя.¹⁰¹ Вскоре же развернулось восстание по соседству, в Джебел Нафуса. Повстанцы этих гор дошли до границы Кайруанской области, овладели городом Габес.

Несмотря на значительные масштабы и еще более значительные перспективы, восстания, по сообщениям, не отличались ничем от других разрозненных выступлений. Захватившие Триполи хаввариты, вопреки их общности этнической, — судя по названию, — территориальной и идеологической, имели двух особых вождей: 'Абд ал-Джаббара и ал-Хариса; после занятия ими Триполи между ними разгорелась распря. Нафуситы действовали под руководством третьего вождя, Исма'йла ибн Зийада; о них даже не сообщается, были ли они хариджитами, хотя это несомненно так. Итоги такой раздробленности оказались печальными: в 748—49 гг. карательная экспедиция под руководством племянника 'Абд ар-Рахмана поодиночке разгромила все группы повстанцев, беспощадно преследуя и убивая их; пали на поле боя и трое перечисленных вождей.¹⁰²

Вместе с тем, однако, можно заметить в движении, охватившем Триполитанию, и некоторые особенные, новые черты, более четко проявившиеся через несколько лет. Наличие влиятельного қәди свидетельствовало не только о проникновении хариджизма в область богословия и правовых отношений, но и о некотором ограничении роли племенных верхов авторитетом внеплеменного функционера, қәди. Это очевидно, было следствием того, что хариджизм проник в Триполитанию издавна, с первыми арабскими завоевателями, к отрядам коих, видимо, примкнули хариджиты, скрывавшиеся от преследования на Востоке. Не случайно район оседлого земледелия — Джебел Нафуса станет потом цитаделью хариджизма, хариджитских богословов. Новым в движении триполитанцев было и их особое знамя — впервые в истории хариджизма в Магрибе восставшие примкнули, в противоположность софритам Танжера, к течению ибадизма.

Первое реальное отличие ибадитов того времени заключалось в тесной связи с центром движения их в Ираке, в Басре. Ни этого отличия, ни связанных с ним попыток преодоления сепаратизма племенных верхов мы не обнаружим в материалах цитированных авторов. О них, хотя и очень скупо, сообщает нам рукописная хроника, со-

¹⁰¹ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 224; Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 237; Ибн Халлун, т. I, стр. 138; франц. перевод, стр. 219.

¹⁰² Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 225; Ибн Халлун, т. I, стр. 138; франц. перевод, стр. 219; Бану ал Аглаб, стр. 15; франц. перевод, стр. 44; Ибн 'Азари, т. I, стр. 49; франц. перевод, стр. 64.

ставленная одним из местных хариджитов, в среде коих сохранились приводимые им сведения.¹⁰³

Указанная хроника открывается рассказом о двух хариджитских миссионерах, прибывших в Кайруан: „они ездили вдвоем на одном верблюде, нагруженном их дорожными припасами, — Салама ибн Са'ид, проповедовавший ибадизм и 'Икрима, маула Ибн 'Аббаса, проповедовавший софризм“.¹⁰⁴ Далее сообщается как был распропагандирован и примкнул к ибадитам живший в Кайруане, тогда молодой еще, 'Абд ар-Рахман из рода Рустум (бывших владетелей Ирана), впоследствии ибадитский правитель этого города и основатель имамата хариджитов в Тахерте.¹⁰⁵ Было решено, что 'Абд ар-Рахман отправится вместе и четырьмя другими магрийцами для соответствующей подготовки в Басру к Абу 'Убейде Муслиму ибн абу Кариме ат-Темйи.¹⁰⁶ В свое время, при Хаджжадже, Абу 'Убеда был арестован, но освобожден при Омаре II и стал главой ибадитов, заместив своего учителя, высланного в Оман. А когда после Омара II обострилась борьба между ибадитами и халифатом, Абу 'Убеда создал у себя вместе с школой пропаганды подпольный центр руководства ибадитским движением. Таким образом, очевидно, в сфере деятельности его оказалась Триполитания. Во время упомянутого выше восстания под руководством ал-Хариса и 'Абд ал-Джаббара, Абу 'Убеда добивался прекращения распри между ними. Вероятно, безуспешность этих попыток вызвала необходимость в особой „миссии“, как называет источник задачу, поставленную перед пятью магрийцами, направленными к Абу 'Убейде.¹⁰⁷

Как упоминалось, вместе с 'Абд ар-Рахманом в Басру отправилось пять человек. Хроника называет их „пятерка распространителей науки в Магрибе“.¹⁰⁸ В состав ее, кроме 'Абд ар-Рахмана, входили: Абу ал-Хаттаб 'Абд ал-А'ла ибн ас-Самх ал-Му'афирй, 'Асым ас-Седрати, Исма'ил ибн Даррар ал-Гадамиси и Абу Давуд ал-Кыблы.¹⁰⁹ В этом созвездии первый — перс, второй — араб, третий и четвертый, а может

¹⁰³ Абу Закарийя Йахйя ибн Абу Бекр. Китаб ас-сийар ва-ахбар ал-а'имма. Рукопись № 1085—11 Научной библиотеки Львовского государственного университета им. И. Франко. (В дальнейшем: Абу Закарийя). Эта рукопись (А) имеет 63 листа по 25 строк в каждой странице и включает первую, самую главную, часть названной хроники. Приведенные по ней в настоящей статье факты и цитаты проверены нами по двум другим спискам того же фонда, №№ 1054-1 (Б) и 1055-1 (В). Последние два списка включают: Б — полную рукопись I и II частей хроники на 111 листах по 19—20 строк в странице; В — неполную фотопроизводку обеих частей хроники на 33 снимках, воспроизводящих 131 страницу по 23—24 строки в каждой и имеющих некоторые дефекты. Цитируемая рукопись принадлежит к коллекции, собранной Э. Смогоржевским. Польские арабисты внесли ценный вклад в собирание, изучение и описание рукописных источников по хариджизму, открыв, таким образом, возможность шире использовать их (ср.: De Motylinski — T. Lewicki. *Abū Zakariya al-Warḡlāni, Abū Ḥātim Ja'kub, Abū l-Khaṭṭāb al-Jamāni. The Encyclopaedia of Islam*, изд. 2-е, т. I, стр. 125, 134, 167).

¹⁰⁴ Абу Закарийя, л. 2а.

¹⁰⁵ Там же, л. 56—6а. В списке А местожительство семьи 'Абд ар-Рахмана пишется القروان (Кирван), в то время как в других известиях город там же называется, как обычно, القيروان (л. 8а и сл.). В остальных списках указано везде одинаково القيروان (см. Б, л. 2а, 6а; В, л. 16, 5а).

¹⁰⁶ Там же, л. 6а.

¹⁰⁷ Там же, л. 7а—7б.

¹⁰⁸ Там же, л. 16, 56: الخمسة نفر الحملة للعلم.

¹⁰⁹ Там же, л. 5б.

быть, и пятый — берберы. Но все они жили и действовали как магрибийцы, именно с этих позиций они потом выступают перед своим учителем, а затем и перед народом. Пятерка находилась, очевидно, у Абу 'Убейды в течение нескольких лет; хроника не приводит точных дат. В рукописи также нет данных о том, чем же занималась пятерка, скрывавшаяся в Басре в специально оборудованном конспиративном помещении Абу 'Убейды.¹¹⁰ Известное представление о сущности занятий их дают приводимые в рукописи как дословные два вопроса учителю и ответы последнего ученикам. Тот факт, что хроника остановилась только на них, свидетельствует об утвердившемся в течение веков признании важности этих данных.

На первый вопрос, касавшийся богословско-юридических тонкостей, Абу 'Убейда отказался ответить по существу, а только спросил: „Ты, что же, собираешься стать қадимом?“ Этот ответ отмечает возможное предположение, что наука пятерки ограничивалась, как обычно, изучением Корана, юриспруденции, богословия. Главный вопрос — второй: „О шейх наш, в нашей стране [давно] имеется сила, и нам необходима с нашей стороны способность [руководить ею]. Так поставим ли мы во главе себя мужа из нас [пятерых] или как считаешь?“ Форма и содержание вопроса, как видим, подтверждают, что пятерка сохраняла тесную связь с ибадитами Триполи, с хариджитским движением в Магрибе, была хорошо информирована о нараставшем новом восстании в стране, прекрасно отдавала себе отчет в том, какова важнейшая организационная задача движения в тот момент. А ответ Абу 'Убейды показывает, что он не только был озабочен вопросом устранения племенного сепаратизма в борьбе хариджитов, но наметил четкую, твердую линию поведения своих учеников: „Отправляйтесь в свою страну. И если среди ваших единомышленников окажется какой-нибудь из мужей, подходящий для облечения его властью над вами, по возрасту его и другим важным данным, то [все же] поставьте во главе себя мужа из вас [самих]. А если тот воспротивится, то убейте его. И Абу 'Убейда указал [как на кандидата из числа пятерки] на Абу ал-Хаттаба“.¹¹¹

Вовсе не обязательно считать, что вопрос и ответ действительно приведены в рукописи слово в слово. Наоборот, здесь скорее всего передается не прощальное напутствие учителя, как сказано в хронике, а краткоссенция того, чему училась пятерка у Абу 'Убейды в течение всех лет, проведенных в Басре, притом, очевидно, не только за фоллиантами. Это — своеобразная инструкция, опирающаяся на информацию, поступавшую через пятерку, на богатый опыт борьбы не только Магриба (Запада), но и Машриқа (Востока), дальше шагнувшего в своем развитии. Инструкция намечает серьезную и решительную попытку устранить губительное соперничество племенных верхов, главный тормоз объединения народных сил в борьбе их против землевладельческой аристократии ифрикийцев. Очевидно, с этой задачей пятерки связано обоснование ее в одном пункте вместо обычного распыления миссионеров — все они отправились из Басры в Триполи-танию.

¹¹⁰ Там же, л. ба.

¹¹¹ Там же, л. ба: فقال لهم ابو عبيدة توجهوا الى بلادكم فان كان في اهل دعوتكم ما يجب به عليكم التولية في العدد والعدة من الرجال فولوا على انفسكم رجلا منكم فان ابا فاختلوه فاشار الى ابي الخطاب.

Прибытие пятерки в Триполитанию совпало примерно с кратковременным правлением в Кайруане Хайба, последнего фикрита. Власть его уже не распространялась на Триполитанию — правитель последней подчинялся аббасидскому халифу Джафару ал-Мансурю. Ибадиты этой области, после разгрома их Абд ар-Рахманом, отцом Хайба, собирались тайком в районе города Триполи, обсуждая проблему руководства борьбой их. Авторитет, вскоре завоеванный пятеркой, способствовал оживлению деятельности ибадитов, и они решили вручить власть над собой Абу ал-Хаттабу. Вначале они намеревались ограничить его ролью арбитра в межплеменных спорах. Но он категорически отверг этот проект. Потом, как сообщает рукопись хариджита, „убедившись в их (ибадитов) искренности, в их преданности, Абу ал-Хаттаб сказал им: «Я приму ваши заверения только при одном условии... не поднимать в моем войске спорного вопроса ал-Хариса и Абд ал-Джаббара, опасаясь как бы не возник из-за них спор и раскол в мусульманской (ибадитской) общине...» Те ответили ему: «Берем на себя это обязательство». И они присягнули ему в отстаивании закона Аллаха по Книге и Сунне, в следовании за имамом по праведному пути. И он принял их присягу“.¹¹² Признание имамом не вождя своего племени, не соплеменника, а араба, опирающегося только на авторитет среди ибадитов, было уже значительным достижением повстанцев в борьбе их за единое руководство.

Готовность масс ибадитов подчиниться общему командованию нашла скоро подтверждение в предпринятом походе на Триполи. Как можно судить по сообщению ибадитского автора рукописи, восставшие двинулись в поход с военным кличем, представлявшим очень знаменательное видоизменение старого призыва хариджитов и звучавшим теперь так: „Нет суда, кроме божьего, нет виновения, кроме повинования Абу ал-Хаттабу“.¹¹³ Старая формулировка хариджитского лозунга соответствовала в основном негативной задаче свержения власти халифата.¹¹⁴ А организация центра в Триполитании поставила в порядок дня новую, позитивную цель — создание своего государства, освящение власти ибадитского имама. Поэтому в новом призыве главное уже не в провозглашении права и обязанности масс восстать против несправедного халифа, а в подчеркивании обязанности покоряться своему имаму.

Под этим лозунгом восставшие во главе с Абу ал-Хаттабом вошли в Триполи. Вступление ибадитов в Триполи с обнаженным оружием вселяло было в сердца горожан опасения, что соглашение, заключенное с Абу ал-Хаттабом о мирной капитуляции города, вероломно нарушено повстанцами. Но их успокоили, посоветовав оставаться в своих домах. И действительно, население было ограждено от каких бы то ни было насилий. Даже когда занявшие город повстанцы взду-

¹¹² Там же, л. 7а—7б: فلما رأى الحقيقة منهم والمجد قال لهم لا أقبل إمامتكم إلا على شرط... ألا تذكر [تذكروا—B] في عسكري مسألة الحارث وعبد الجبار خوفا منه عليهم [ألا يكون—B] [пропущено: B] في جماعة المسلمين اختلاف وفرقة... فقالوا له [لك—A] ذلك علينا وبإيعامه على الإقامة بحق الله بما في الكتاب والسنة واتباع الأمة [أئمة—B] المهتدين فقبل مبايعتهم.

¹¹³ Там же, л. 7б: لا حكم إلا لله لا طاعة إلا طاعة أبي الخطاب.

¹¹⁴ См.: М. Чураков. Магриб накануне хариджитского восстания. Палестинский сборник, вып. 5, М.—Л., 1960, стр. 83.

мали убить старого правителя, Абу ал-Хаттаб воспротивился этому, ссылаясь на условия амана, и масса подчинилась его требованию.¹¹⁵ Бывшему правителю была даже предоставлена свобода выбора между отъездом на Восток и проживанием в Триполи на правах частного лица. Может быть, эти условия не свидетельствуют о трезвом учете опыта вероломства противника, но они несомненно говорят о мирных стремлениях руководителей восстания. Бывший правитель предпочел вернуться на Восток, и после сдачи ключей от казны Абу ал-Хаттабу он был отпущен с миром.

Завоевание Триполи было, таким образом, не только военной удачей, но и успехом внутренней организации сил ибадитов. Предпосылка его, очевидно, заключалась в соответственном назревании в Триполитании необходимости объединения племен. Этот объективный процесс находил отражение, например, в том, что подчас все население южной Триполитании рассматривалось как входящее в одну группу племени хаввара. Часть их кочевала здесь в песках, занимаясь разведением коров и овец, используя под верх лошадей; часть их вела оседлый образ жизни.¹¹⁶ Путешественник конца IX в. характеризовал следующим образом этнический состав Триполитании: „Хаввара считают себя древними берберами, а мезата и лувата — принадлежащими к их племени“.¹¹⁷ Этот же автор отнесил население города Триполи к „смешанному“, даже не пытаясь сообщить о племенном составе его.¹¹⁸ Очевидно, среди племен, относимых к хаввара, вместе с другими мелкими коллективами и племенами были также более многочисленными местные зената. Источники называют повстанцев армий 'Уккаши, 'Абд ал-Вахида, 'Абд ал-Джаббара и ал-Хариса хавваритами, иногда дополняя это определение словами „и следовавшие за ними“.¹¹⁹ Лишь один из источников определяет этнический состав войска последнего как принадлежащих к зената.¹²⁰ Это противоречие, видимо, отражает диалектику процесса: массы, сохранив связь в пределах нескольких семей, рода, смешивались с такими же коллективами соседних племен, связанных с ними общими интересами, территориальной близостью; верхи хаввара занимали господствующее положение, но встречали определенное сопротивление верхов других, наиболее многочисленных племен, отстаивавших свою обособленность, свою независимость.

Стремление к объединению еще ярче проявлялось среди жителей горного района Джебел Нафуса, в трех переходах к югу от Триполи. Их территория простиралась в длину на шесть дневных переходов и доходила до границ Кайруанского района. Как и сама местность, все население называлось нафуситами и не разделялось на отдельные племена. Однако, по определению цитированного путешественника, нафуситы представляли „много племен и ответвлений из разных этни-

¹¹⁵ Абу Закарийя, л. 76.

¹¹⁶ Ибн Халдун, т. I, стр. 176—177, 180; франц. перевод, стр. 273—275, 279.

¹¹⁷ Ал-Йа'куби, стр. 346. Это утверждение совпадает с характеристикой, приводимой Ибн Халдуном: ко времени мусульманских завоеваний все племена с родовым именем хаввара, как восходящие по происхождению к Абтеру (родоначальник одной из двух ветвей, на которые делят все берберские племена), так и имеющие предком Бернеса (родоначальник второй ветви), жили в области Триполи и в соседней части Барки (Ибн Халдун, т. I, стр. 177; франц. перевод, стр. 275).

¹¹⁸ Ал-Йа'куби, стр. 346: *أهلها اختلاط من الناس*.

¹¹⁹ Ибн Халдун, т. I, стр. 138; франц. перевод, стр. 218.

¹²⁰ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 224. А зената и хаввара, по их генеалогиям, относятся к двум разным ветвям упомянутым выше.

ческих элементов".¹²¹ Горные условия способствовали оседанию их, обеспечив им защиту от вторжения кочевников. Они развили у себя земледелие, садоводство, жили в деревнях, владели, видимо, усадьбами.¹²² А это в свою очередь еще более усиливало у них тенденцию к объединению для защиты своих полей, садов, — они стали наиболее устойчивой опорой хариджизма.

В этих условиях в 757 г. сложилась в Триполитании централизованная межплеменная, — включавшая хаввара вместе с зената и другими, а также нафуситов,¹²³ — организация ибадитов. Центром организации стал город Триполи. Безоговорочно признанным главой ее, первым имамом ибадитов Магриба стал Абу ал-Хаттаб.¹²⁴ Триполи сохранял тесную связь с Басрой.¹²⁵

M. Czourakov

L'INSURRECTION HARIDJITE AU MAGRIB

Le soulèvement fut son début heureux dans la région de Tanger. Une partie de la notabilité tribale y participa à coté des masses, mais ses intérêts particuliers ont entravé le mouvement. Ce fut la fin de l'étape de Tanger, mais aussi le début d'une nouvelle étape.

¹²¹ Ал-Йа'куби, стр. 346: ولهم قبائل كثيرة وبطون شتى

¹²² Там же: ومنزلهم في جبال اطرابلس في ضياع وقرى ومزارع وعمارات كثيرة.

¹²³ Ибн ал-Асейр, т. I, стр. 240.

¹²⁴ Сообщается, что даже из Кайруана к Абу ал-Хаттабу обращаются как к эмиру правоверных (Абу Закарийя, л. 8а).

¹²⁵ Там же, л. 76.